

Матюшенский Александр Иванович

От воровства к анархизму

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович М.**
От воровства к анархизму / Матюшенский Александр Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-519-95748-9

ISBN 978-5-519-95748-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

— Воровъ много, а знающихъ (среди нихъ), что такое воръ — разъ-два и обчелся.

Такъ оцѣнивалъ свою корпорацію одинъ профессиональный воръ лѣтъ 25 назадъ, когда я, что называется, босячилъ въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ. И къ этому опредѣленію онъ добавлялъ:

— Не въ томъ бѣда, что онъ воръ, а въ томъ бѣда, что самъ себя не понимаетъ и отъ своего собственнаго ремесла чурается... Уваженія нѣтъ къ себѣ.

— Но какое же можетъ быть уваженіе къ себѣ? — возражалъ я, — если человѣкъ чужими трудами живетъ...

— Чужими! — перебивалъ онъ меня. — Много ты понимаешь въ этомъ!..

— Да что же тутъ понимать! — въ свою очередь перебивалъ я. — Другіе работаютъ, наживаютъ, а ты придешь да готовенькое возьмешь!...

— Балда ты, осиновая! — вскакивалъ онъ изъ подъ лодки, подъ которой мы прятались отъ солнца. — Работаютъ, наживаютъ! Гдѣ это ты видѣлъ, чтобы работою наживали?! — наступалъ онъ на меня. — Гдѣ, скажи! пословицу слышалъ: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».. Вотъ этотъ давешній купецъ, у котораго ты работы просилъ, трудами онъ нажилъ два магазина, да три дома въ городѣ, да 5000 десятинъ земли въ уѣздѣ? трудами это все нажито? Вѣдь ежели ему рублевками дать весь его капиталъ, такъ онъ пересчитать его не успѣетъ за всю свою жизнь. А ты — трудами! Гдѣ это ты ви-

дѣлѣ такую работу, что бы за нее тысячи тебѣ каждый день отваливали? Гдѣ?...

— Нигдѣ не видѣлѣ,—спѣшилъ я согласиться. — Но что же изъ этого?

— А то, что онъ грабитъ, каждый день грабитъ, съ утра до вечера,—и уваженія къ себѣ не теряетъ. Поди ка, спроси его: «ваше грабительство, какъ вы о себѣ самомъ понимаете?» — Что онъ тебѣ на это отвѣтитъ?... Ну, чертова образаина, говори что онъ тебѣ на это скажетъ! — наступалъ онъ на меня, не дождавшись отвѣта.

— Что скажетъ? Ничего не скажетъ... велитъ прикащикамъ шею наkostenять.

— Ага!—удовлетворенно понижалъ тонъ мой оппонентъ. — Ничего не скажетъ и шею наkostenять велитъ... Это ты правду сказалъ, въ самый разъ угадалъ, точка въ точку попалъ... На кой чертъ онъ станетъ съ тобой разговаривать, коли онъ на тебя, какъ на мразь на какую смотритъ, а о себѣ превышаетъ всего думаетъ. А вѣдь ты «честнымъ трудомъ» живешь. Вонъ какой сундучище вчера пять кварталовъ тащилъ за гривенникъ... Лошади, такъ впору. А онъ этотъ самый гривенникъ, съ той же самой кухарки,—для которой ты «честно трудился», какъ самый глупый сивый меринъ,—въ единый моментъ сдеретъ. Она и глазомъ не мигнетъ, какъ гривенникъ изъ ея кармана въ его карманъ перескочитъ. Да она же ему въ поясъ кланяться будетъ, всякое ему уваженіе оказывать...

Я не возражалъ... «страха ради іудейска». Это былъ любимый конекъ моего собесѣдника, и возражать ему въ этомъ мѣстѣ его разсужденій было опасно. Онъ какъ то чрезвычайно быстро выходилъ изъ себя и бросался на оппонента, иногда съ ножомъ, который у него всегда былъ наготовѣ, за голенищемъ.

— Ты въ этомъ мѣстѣ «Яшку Профессора» не трошь,—говорилъ его закадычный другъ и пріятель

«Ванька Коловоротъ»,—потому—у него въ этомъ самомъ мѣстѣ душа не на мѣстѣ, и онъ зарѣзать можетъ, коли его растревожить.

Собственно за это «больное мѣсто» его и прозвали «профессоромъ». Во всякомъ мѣстѣ и во всякое время онъ готовъ былъ развивать свою теорію непорочности воровства и грабительства, рискуя каждый разъ участкомъ, въ особенности когда лекція читалась въ кабацѣ, предъ пьяной компаніей.

Собственно, вся его теорія исчерпывалась однимъ умозаключеніемъ: ежели купецъ-грабитель пользуется всеобщимъ уваженіемъ, то почему недостойнъ такого же и даже сугубаго уваженія, онъ, Яшка Профессоръ.

Претензія собственно на *сугубое* уваженіе вытекала изъ того, что въ его Яшкиномъ ремеслѣ требуется и трудъ и отвага, тогда какъ купцу этого, по его мнѣнію, не требуется.

— Онъ сидитъ въ магазинѣ и ждетъ, когда къ нему «дуракъ» придетъ съ «честно заработанными» деньгами. А пришелъ—и готово. Сейчасъ онъ у него изъ cadaго рубля четвертакъ украдетъ. Ни труда, ни опаски, ничего. А, нутка, попробуй ты въ нашемъ ремеслѣ!—наступалъ онъ на своего противника оппонента.—Да намъ иногда такъ приходится работать, какъ ты никогда въ жизни не работалъ. Да кромѣ этого, мы своими собственными ребрами на каждомъ шагу рискуемъ, а то и жизни рѣшиться можемъ. Вѣдь, вотъ у тебя всей рухляди на три четвертака, а *приди* къ тебѣ, ты съ топоромъ полѣзешь: за три четвертака готовъ человѣка на смерть положить.

— А то миловать тебя!—соглашался Яшкинъ слушатель, какойнибудь квасникъ или продавецъ спичекъ.—Не ходи, коли топора не хочешь.

— Не ходи!.. Дурья голова!—ты то бы подумалъ: развѣ три четвертака жизнь то человѣческая стоитъ?

— А ты не вори, не лѣзь!..

— Не лѣзь!—тономъ ниже передразнивалъ Яшка

своего противника.—Потому и лѣзу, что такое ужъ мое ремесло: полагается мнѣ своей головой рисковать, я и рискую. Небожь не испугаюсь, не только топора, а пострашнѣе чего. Что твой топоръ?.. Рубанулъ разъ—и духъ вонъ, и дѣлу конецъ. Такова ужъ, значитъ, судьба. Тутъ, по крайней мѣрѣ, кончина безъ мукъ, скорая. А ты вотъ попадись въ руки мужикамъ (крестьянамъ) на сѣнномъ базарѣ!..

— Мнѣ зачѣмъ попадаться? я не ворую.

— Не про тебя рѣчь! — обрывалъ Яшка. — Это такъ только говорится. Я про себя говорю. Пападись-ка имъ, что они съ тобой сдѣлають?

— Да ужъ научать, какъ воровать.

— Научать! Много они научили? Тиранство это одно. Да я не про это тебѣ говорю. Я къ тому, что купецъ грабитъ безъ труда и безъ риску, и ему всяческое уваженіе,—а мы на смерть и на муки идемъ, а на насъ никто плюнуть не хочетъ. Почему? Объясни ты мнѣ это!

Но собесѣдникъ или ничего не объяснялъ или же говорилъ что нибудь несуразное, вродѣ:

— Потому купцу и уваженіе, что онъ человѣкъ съ капиталомъ и всякому соотвѣтствовать можетъ. Примѣрно, ежели полицеймейстеръ или архіерей къ нему пріѣдутъ, онъ сейчасъ имъ пирогъ съ осетриной, уху, тамъ, изъ первѣющихъ стерлядей и всякое прочее удовольствіе. Акромя того, въ церкви онъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, свѣчку за цѣлковый ставитъ, просвирку тоже подаетъ не иначе, какъ съ полтинникомъ... Все, значитъ, честь честью... Въ думѣ тоже о разныхъ, тамъ, дѣлахъ разсуждаетъ: какъ чему быть?..

Яшку Профессора такія разсужденія окончательно выводили изъ себя.

— Ну, что ты мелешь, дура стоеросовая!—набрасывался онъ на собесѣдника, увлекшагося описаніемъ буржуазнаго житія «честь-честью».—Пирогъ съ осетриной! уха изъ первѣющихъ стерлядей! свѣчка за

цѣлковый!... передразнивалъ онъ своего оппонента. — Выходить ежели я ограбилъ тебя да пирогомъ архіерея съ полицеймейстеромъ накормилъ, такъ мнѣ за это и въ поясъ кланяться надо!? Такъ?

— Не такъ...

— А какъ же, говори! за что купца уважають?

Но припертый къ стѣнѣ собесѣдникъ тоже выходилъ изъ себя:

— Отстань! чего присталь, какъ банный листъ...

— Банный листъ!.. только это и знаете!—обращался онъ уже ко всей публикѣ.—Не въ пирогахъ тутъ дѣло, и не въ ухѣ, и не въ томъ, что купецъ свѣчки ставитъ и въ думѣ сидитъ! Это и я могу завтра все сдѣлать, ежели мнѣ пофартитъ распотрошить вотъ этого краснорожаго!—указывалъ онъ на кабатчика.

— Я тебя распотрашу,—обижался тотъ за «краснорожаго».—Такъ распотрошу, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь...

— Ну, ну, уймись! Чего раскудахтался... Не понимаешь, что это къ слову сказалось? Не тебя, такъ другого, это все единственно. Важно, что завтра я капиталъ цапну и начну пирогами кормить всякое начальство. Пожалуйте, молъ, къ Яшкѣ профессору на пирогъ. Кушайте и всяческое ему уваженіе оказывайте... Пойдутъ ко мнѣ архирей или, скажемъ, губернаторъ?—торжественно вопрошалъ профессоръ свою аудиторію.—Нѣтъ, не пойдутъ! — давалъ онъ самъ себѣ отвѣтъ.—И никакого уваженія мнѣ оказывать не будутъ, потому —не въ пирогахъ тутъ дѣло и не въ свѣчкахъ, а въ томъ, что купецъ самъ себя понимать можетъ, самъ объ себѣ понимаетъ, что онъ первѣющій человѣкъ въ городѣ и всякое уваженіе ему полагается прежде всѣхъ...

Послѣднія слова онъ говорилъ особенно вѣско и съ удареніемъ; въ эти слова онъ вкладывалъ квинтъ—эссенцію своей мысли, «самоуваженіе вызываетъ уваженіе и со стороны другихъ».

Но аудиторія, обычно, тутъ улавливала только

одну комическую сторону. Предъ ней логически вставала картина, въ центрѣ которой стоитъ самоуважающій Яшка профессоръ и всенародно требуетъ уваженія къ себѣ «въ первую голову».

— Почтеніе Якову... какъ васъ по батюшкѣ?— начинали раскланиваться собесѣдники.

— Первое мѣсто ему скорѣе!

— Въ думу его!

— Ваше степенство, за вами карета отъ губернатора пріѣхала... На балъ пожалуйте, съ губернаторской дочкой въ первую кадсель пойдете...

Яшка блѣднѣлъ, губы его начинали трястись; онъ озирался, какъ волкъ, и... бросался на ближайшаго противника. Начиналась свалка, изъ которой Яшка выбирался не скоро и не всегда съ цѣлыми ребрами.

Его били вдвойнѣ. И за то, что онъ въ спорѣ всѣхъ приперъ, что называется, къ стѣнѣ,—и за то, что онъ воръ, котораго никогда не лишнее поколотить.

Таковы, обычно, были результаты его пропаганды въ мѣщанской средѣ. Его слушали, не знали что возразить и били.

Нѣсколько иные результаты той же пропаганды получались, когда Яшка профессоръ выступалъ предъ своей воровской братіей.

Тутъ его слушали и съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ сочувствіемъ.

Аудиторія очень желала бы усвоить его убѣжденіе въ благородствѣ воровскаго ремесла. Не отказалась бы она, конечно, и отъ общественныхъ почестей. Кто же отъ этого откажется? Но предъ ней вставалъ во всей своей неразрѣшимости вопросъ:

— Почему вору, какъ таковому, полагается уваженіе?

Искони воровъ презирали, ими гнушались, ихъ били, сажали въ тюрьмы, — а тутъ вдругъ начнутъ уважать и относиться съ почтеніемъ!?

— Купцы, тѣ другое дѣло! тѣхъ всегда уважали,— а мы? А насъ?..

Самъ Профессоръ тоже не давалъ на эти вопросы болѣе или менѣе удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Получивъ воспитаніе на улицѣ, онъ не могъ даже сослаться на тѣ историческія эпохи, когда грабежи считались рыцарской доблестью, а торговый промыселъ находился въ презрѣніи.

Его разсужденія на этотъ счетъ были и туманны и сбивчивы; онъ и самъ только смутно чувствовалъ что то, а облечь это смутное нѣчто въ конкретныя формы не могъ.

И какъ всегда бываетъ съ людьми въ такомъ положеніи, начиналъ сердиться, что для Яшки профессора значило ругаться «на чемъ свѣтъ стоитъ».

Ты, чертово копыто, то пойми, что ежели ты самъ себя уважаешь, то и всѣ къ тебѣ съ почтеніемъ... Да... какъ этотъ самый купецъ. Или, возьмемъ, маляръ! Ежели онъ знаетъ свое ремесло до точности, такъ онъ высоко объ себѣ понимаетъ. Такъ и ты долженъ... всякому прямо въ глаза смотрѣть:—«я, молъ, въ своемъ дѣлѣ тоже не послѣдняя шишка!..» А ежели и послѣдняя, такъ тоже носъ не вѣшай: «тоже, молъ, при собственномъ дѣлѣ находимся, сами себѣ господа, къ вамъ обѣдать не ходимъ»...

Но тутъ, обычно, выступала чисто практическая сторона вопроса.

Аудиторія очень не прочь была «всякому прямо въ глаза смотрѣть» и разныя гордыя слова говорить, но она никакъ не могла себѣ представить, чтобы эти гордыя слова могли возымѣть дѣйствіе на постороннюю, не воровскую публику:

— Хорошо,—соглашался кто нибудь изъ слушателей,—между собой это мы можемъ уваженіе, значить, другъ другу оказывать и все прочее. Это, хоть сейчасъ, я тебѣ: «Яковъ Поликарпычъ, наше вамъ почтеніе»,—а ты мнѣ: «Иванъ Селиверстычъ, какъ себѣ поживать изволите?..» И всякія тамъ деликатности. Впервинку оно хоть и не въ привычку будеть,—ну, а все же пріучиться можно... И медвѣдя и

то обучаютъ разнымъ обращеніямъ, а человѣкъ не медвѣдь, хотя бы и нашъ братъ воръ...

Профессоръ сіялъ въ такихъ случаяхъ, качалъ головой въ тактъ словъ сговорчиваго собесѣдника и говорилъ:

— Такъ, такъ... Вотъ, умныя слова!

Но тотъ махнувъ рукой, осаживалъ его:

— Да ты погоди такать то! Дай до дѣла договорить... Между собой это можно, говорю. А какъ ты другихъ прочихъ то заставишь себя уважать?..

— А такъ: уважай себя и всѣ будутъ уважать!— перебивалъ Яшка.

— Заладила сорока Якова... ну, вотъ идешь ты по улицѣ, а на встрѣчу тебѣ приставъ... ты за уголъ стрекача не задашь?—вдругъ въ упоръ спрашивалъ собесѣдникъ Яшку.

— Н—нѣтъ, ужъ за уголъ тогда нельзя,—нерѣшительно тянулъ слова Яшка.—Нѣтъ, тогда ужъ иди прямо. Онъ, примѣрно, по троттуару на встрѣчу тебѣ, и ты тоже... ни Боже мой, чтобы въ сторону. Какъ слѣдъ... сразу, чтобы видно было, какъ ты самъ о себѣ понимаешь.

— Такъ, значитъ, рыло поднять и итти на него?

— Ну, да...

— Онъ тебя по рылу то и хватить!—неожиданно обрывалъ оппонентъ.

— Губы то и растворожить!—соглашались слушатели.

— Съ нашимъ почтеніемъ, значитъ, прямо въ морду!

— Принимайте, Яковъ Поликарпычъ, почетъ и уваженіе!

— Не желаете ли прибавочки?

— Сколько угодно: требуйте не стѣсняйтесь!

— Съ троттуара то и полетишь вверхъ копытами!

— Свинымъ рыломъ да прямо въ грязь...

— Въ надлежащее, значитъ, мѣсто!—сыпалось на Яшку, какъ изъ мѣшка, со всѣхъ сторонъ.

Онъ растерянно озирался кругомъ. И даже не ругался. Слишкомъ ужъ живо предъ нимъ самимъ вставала картина встрѣчи самоуважающаго вора съ полицейскимъ приставомъ.

Все же чрезъ минуту онъ оправлялся и рычалъ:

— Ну что гогочете, какъ жеребцы стоялые? Чему, обрадовались? Приставъ! Сейчасъ и приставъ! Приставъ не насъ только по мордѣ бьетъ: у него должность такая. А ты бери простого человѣка.

— А «простые» то насъ не бьютъ? Милуютъ, поди!

— Такъ это ежели ты «на дѣлѣ» попался. Это другое дѣло. А ты бери такъ, не «на дѣлѣ», значить, а по житейскому обиходу. Ты, скажемъ, въ кабакъ пришелъ и онъ тоже: каждый за свои деньги выпиваетъ...

— Ну такъ чтоже, и выпиваете! И все же онъ тебя за вора считаетъ, за послѣдняго, значить, человѣка...

— А ты ему скажи,—перебивалъ Яшка:—«я воръ, а ты маляръ или печникъ»—и это все единственно, всякій при своемъ, значить, дѣлѣ находится, своими способами кормится»...

— И сейчасъ онъ тебя уважать начнетъ?—ехидно вопрошалъ кто нибудь изъ компаніи.

— Держи карманъ шире:—сейчасъ почтеніе горстями сыпать будутъ,—поддерживалъ его другой.

— Низкіе поклоны отвѣшивать начнутъ!—вставлялъ и свое слово третій.

— А что же!—вскакивалъ Яшка.—Чѣмъ воръ хуже вотъ этой «собаки», *) чѣмъ онъ красивѣе насъ? Что онъ лаеетъ то цѣлый день на людей,—такъ въ этомъ не велика заслуга! Это и каждый можетъ, у кого глотка широкая,—указывалъ онъ на случайнаго прохожаго.

*) Собака—приказчикъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ баржъ. Его обязанность—кричать (лаять) на грузчиковъ.

— Да кто тебѣ говоритъ, что онъ лучше насъ? Много и по хуже его найдется. Вонъ купецъ Р-овъ родного отца отравилъ, а родную тетку какъ липку ободралъ. Да, вѣдь, все это не то, что наше дѣло...

— Выходитъ, что онъ отравилъ и ограбилъ, и ему почетъ!—горячился Яшка.—А я у него украду на пятитку, такъ мнѣ за это въ глаза плевать!

— И наплюютъ,—не безъ горечи въ голосъ подтверждали фактъ собесѣдники.

Несправедливость отношеній въ данномъ случаѣ признавалась ими полностью. Но фактъ все же оставался фактомъ, стоялъ предъ ними во весь свой ростъ.

Купецъ Р-овъ и отравитель—отцеубійца и грабитель, однако пользуется всѣми преимуществами своего положенія. Если же у того же Р-ова изъ добытыхъ убійствомъ и грабежемъ миллионъ Яшка Профессоръ или Ванька Коловертъ украдетъ на три рубля, то получить за то и презрѣніе въ полной мѣрѣ, и изобьютъ его до полусмерти, и въ тюрьму еще засадятъ.

Какъ ты не хорохорься, а по шеѣ накостыляютъ и въ участокъ отправятъ.

— Воруи да не попадайся!—сентенціозно заканчивалъ споръ кто нибудь.

Но этой сентенціей вопросъ, очевидно, нисколько не подвигался впередъ. Этимъ, до извѣстной степени, разъяснялся только фактъ съ отцеубійцей и грабителемъ купцомъ, къ которому и общество и офиціальная власть всецѣло прилагали правило, по которому:

— Не пойманъ, не воръ.

Вопросъ же о воровствѣ, какъ о допустимой или недопустимой профессіи, попрежнему висѣлъ въ воздухѣ. Какъ къ нему ни подходили, все онъ не поддавался сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію.

Шаблонное рѣшеніе: воровство не честный трудъ,—профессіональныхъ воровъ, воровъ съ дѣтства и въ силу непреодолимой необходимости, не могло, очевидно, удовлетворить.